

(1) В детстве самым притягательным местом для меня была наша речка — Усманка.

(2) Мне было шесть лет, когда на кучу старого тряпья я выменял у старьевщика рыболовные крючки.

(3) Получив три желанных крючка, я сразу же начал ладить удочку. (4) Ореховое удище, леска с катушкой ниток, поплавков из пробки и крючок с «комариную ногу». (5) Ну вот, удочка готова!

(6) Я уже знал, какую рыбу надо ловить. (7) Лёжа на берегу, около самой воды, можно было увидеть стайки небольших рыбок, которые бегали по светлому песчаному дну неглубокой воды. (8) Я знал: рыбок зовут столбуны (позже услышал: в других местах их называют пескарями). (9) Они любили чистую воду, не заплывали в водяные заросли. (10) Один раз я видел, как на стайку рыбёшек бросился небольшой налимом, но ни одной не схватил.

(11) С этого раза я решил попробовать ловить резвую рыбку. (12) И с первого раза поймал одиннадцать столбунов! (13) Весь улов я принёс домой в стеклянной банке живым. (14) Мама решила зажарить эту добычу и очень хвалила вкус рыбок.

(15) После войны наша речка стала сильно мелеть. (16) Приезжая из Москвы на родину, я перестал её узнавать. (17) Стал расспрашивать отца, в чём дело. (18) Отец рассказывал, какой речка была в его детстве: он помнил и речные плёсы, и глубокие ямы. (19) Порывшись в книжках, я узнал: Усманка была речкой пограничной — за ней было «дикое поле», через которое совершали на Русь набеги крымские татары... (20) В 1970 году я решил пройти речку от истока до устья (150 километров) пешком. (21) И прошёл. (22) Весь поход занял две недели.

(23) Я ночевал в деревнях и в стогах возле речки. (24) Посидел с удочкой в местах, знакомых с детства, говорил со стариками, узнал: после войны в воронежских и липецких местах исчезло больше трёхсот маленьких речек. (25) Речки погубило осушение болот, вырубка остатков леса и распашка поймы под урез берегов.

(26) Очерк о путешествии был опубликован на большой полосе «Комсомольской правды» под заголовком «Речка моего детства». (27) Отклик читателей был большим — я получил две тысячи писем. (28) «Вы написали не только о своей речке, но и о нашей тоже». (29) Везде были одинаковые причины исчезновения речек...

(30) Через два года мы с Борисом Стрельниковым отправились в путешествие по Америке, где как раз шли большие споры о том, что делать с природой. (31) Мы с интересом слушали и читали американцев. (32) Помню сенсацию: на востоке страны загорелась река Кайахога, загорелась оттого, что на поверхности было много бензина и нефти. (33) Подъехали к Миссисипи. (34) Я решил на память в реке искупаться. (35) Сохранился снимок: стою по колено в воде, а какой-то сельский американец объясняет, что купаться нельзя: вода очень грязная. (36) Три раза мы подъезжали к реке и убедились: у берега всюду была нефть. (37) По реке шли баржи, и не было ни одного пассажирского судна. (38) А ведь не так уж давно Марк Твен писал в книге «Жизнь на Миссисипи»: «Воду для питья черпали за бортом». (39) Теперь везде людей на Земле настигает загрязнение мусором, нефтью, химикатами...

(40) Отец рассказывал, раньше наша речка была удивительно чистой, и в ней жили пескари величиной в половину мужской ладони. (41) Ловили рыбок не деревенские мальчишки, а взрослые мужики. (42) И я вспомнил Сабанеева, который писал: «Москворецкими рыболовами найден способ ловить даже на одну удочку до шестисот пескарей в день». (43) Было это сто пятьдесят лет назад. (44) А что будет на Земле завтра?

(По В. Пескову)